

Песня поверх границ

О романе Виктора Слипечука «Зинзивер», вышедшем на английском языке

Казалось бы, русскую культуру на Западе отменили, перестали преподавать, даже упоминать — и всё, точка. Отменили не только современных писателей, но и наших классиков, создавших величайшие шедевры мировой литературы. Западная интеллигенция понимает, конечно, всю абсурдность сложившейся ситуации, но молчит: иначе вылететь с работы, останешься без средств к существованию. И вот в этой ситуации бойкота случается настоящее чудо: в конце 2024 года в английском издательстве Hertfordshire Press (Лондон) выходит роман крупного русского писателя Виктора Слипечука — «Зинзивер» (Zinziver), а также повести и рассказы: «Перекрыток», «Смеющийся пупсик», «Крылатый боевой конь», «Волшебство вещей», «День победы» и «Маленькие превращения». Кроме того, автор был удостоен награды этого издательства — «за выдающиеся достижения в области формирования и продвижения литературного наследия стран Евразии в международном пространстве». Роман уже встречается своего читателя в книжных магазинах Австралии, Великобритании, Германии, США, Швейцарии, Швеции и других читающих на английском языке государств. Это говорит о том, что интерес к российской культуре и истории у подлинных ценителей не исчезает, несмотря ни на что.

Переводчик книги — Антон Коваленко (Канада), редакторы англоязычной адаптации — Франческа Мефам и Лаура Гамильтон (Великобритания). Заметим, что ранее роман «Зинзивер» выходил на французском и китайском языках. Это ли не доказательство яркого существования современной русской словесности на мировой арене? Это ли не символ развития и укрепления международных гуманитарных ценностей и культурных связей поверх всяких границ?

Стоит заметить, что Виктор Слипечук — автор более 30 книг, включающих в себя стихи, поэмы, рассказы, повести, романы, очерки, публицистические статьи, многие из которых неоднократно переводились и изданы за рубежом, в том числе во Вьетнаме, Китае, Монголии, Сербии, Украине, Франции и Японии. А теперь вот и в Великобритании.

Вдвойне символично в этой ситуации звучит название романа. «Зинзивер» — большая синица мужского пола, которая начинает петь сразу после зимней стужи, со второй половины марта. Это и символ любви главного героя, страстного романтика Мити Слёзкина к своей несравненной жене Розочке, и в то же время, если смотреть на роман в контексте совре-

менной геополитики, символ духовного света, преодоления подлинным искусством всех хлипких, возведённых ограничительными идиотами барьеров; а может быть, предвещает и близкую оттепель в отношении с нынешними «недружественными» странами...

Чем же интересен Виктор Слипечук читателям в других странах? В основе этого интереса — уникальное мироощущение автора, в котором содержится национальный код русского человека: вера в добро и справедливость, поразительная духовная стойкость, способность к прощению и вечное богоискательство.

Разве вот такие размышления не волнуют думающих и чувствующих людей во всём мире?.. «Звери, птицы, насекомые, даже деревья — всё, всё живое сообщает о себе: смотри, смотри, для чего я. Не сознавая себя, ведают, для чего они. Почему же он, человек, не ведаёт? Да потому, наверно, что только глазами на всё смотрел, а сердце его молчало. А тут надо сердцем видеть, сердцем. Тогда-то и откроется во всём высший смысл, глубинная тесная связь всего, что было, есть, будет».

«Зинзивер» — лирико-философский роман высокого напряжения, написанный прекрасным, образным русским языком.

Вот одно из детских воспоминаний героя. Разве не чувствовали мы в своём счастливым детстве нечто подобное, да только не сумели так тонко и лирично описать?.. «Я проснулся в предчувствии большой радости. Через огромные проёмы окон солнце заглядывало в зал и в своих сверкающих лучах прогуливалось под высокими колоннами. Всюду — всюду его было так много, что мне показалось, что мы с мамой находимся в сказочном дворце. Я нисколько не удивился, что мы в нём одни, что солнце наклонилось над мамой и, не касаясь её лица, выпустило ей на ладонь своего солнечного зайчика. Я потянулся к нему, мамина рука ласково отозва-

лась, и зайчик перескочил ей на локоть. Мне стало весело, я догадался, что мама хотя и спит и глаза у неё закрыты, она своей рукой помнит обо мне и даже уговаривает меня ещё немножко поспать. Но я не послушался».

Роман Слипечука невероятно живой, динамичный, весь искрит авторской иронией и самоиронией, и это придаёт тексту особые обаяние и эмоциональную манкость. Графомания — бич последних десятилетий, особенно сегодня, когда каждый может быстро издать книгу и заявить о себе как о новоявленном писателе. Думается, данная проблема ощутима не только в России, но и во всём мире, где объявить себя писателем стало легче лёгкого. «Зинзивер» в том числе и об этом. Автор элегантно и задорно «разоблачает» мнимых литераторов устами ведущего литобъединения Мити Слёзкина, зарабатывающего на графоманах: «Не раз и не два мысленно прокручивал свою тронную речь, в которой, после того как отдам деньги, намеревался сказать: «А теперь, мнимые классики, как то: Пушкины, Гоголи, Толстые, Некрасовы и прочая, прочая... отпускаю вас на все четыре стороны. Идите с миром к своим детям и внукам, но упаси вас Боже когда-либо писать — руки поотрывать!»

Виктор Слипечук — бесспорный мастер пейзажа и создания подвижного и лаконочного образа. При этом текст не перегружен метафорами, они всегда употребляются в меру, с филигранной мастерством и художественной точностью: «В Парке пионеров умышленно свернул с тропки и остановился под берёзой. Лёгкий чистый морозец, низкое белое солнце, искрящаяся пыльца — и всего так много-много, что даже голова закружилась от солнечно-снежного изобилия».

Кроме того, «Зинзивер» имеет плотное философское наполнение, которое, несомненно, будет интересно каждому вдумчивому читателю вне зависимости от стадии осмысления мира, на которой он находится. Предчувствия и предощущения, тончайшие грани интуиции, сердечные озарения органично соседствуют с логиче-

скими, порой парадоксальными умозаключениями: «...Я сделал в институте три важнейших открытия, определивших моё сегодняшнее понимание не только всей мировой литературы и искусства, но и понимание творческой личности, создавшей тот или иной шедевр».

В детстве и юности мы чувствуем себя вечными, как боги, — бессмертными. Мы торопим время, но «...медленно мелет мельница богов, некуда спешить бессмертным». А мы спешим поскорее вырасти, поскорее окончить школу, в сущности, спешим поскорее стать большими. Отсюда и непоколебимое убеждение, что мир с каждым прожитым днём движется от худшего к лучшему. Вот он — первый постулат: детству и юности присуще мыслить, что мир движется по спирали, как бы по винтовой лестнице, от низшей ступени к высшей.

Потом наступает молодость и вслед за нею или с нею — зрелость. Кажется, всё доступно и всё возможно, не хватает только времени, уж слишком быстро оно бежит, порою так, что и не угонишься. Но всё же там, где за ним поспеваешь, вдруг бросается в глаза, что ты в некотором смысле похож на белку в колесе. Как бы резво ни бежал — бежишь по кругу, да и весь мир перед тобой похож более всего на замкнутый круг. <...> Так и ты в своей круговерти. А отсюда и убеждение: мир движется не по спирали, а по кругу — вот вам и второй постулат: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

Но и у зрелости есть предел. И хотя «...не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием», вдруг начинаешь ощущать, что ты не вечен, что ты не поспеваешь за этим сумасшедшим временем. А ведь кажется, ещё вчера ты торопил время, спешил поскорее стать большим. <...> Ещё вчера мир сиял от множества причудливых красок, а сегодня он сер и уныл. Куда, куда всё подевалось?! И уже твой сосед-пенсиянер сердито стучит палкой и топает ногами на отвратительную молодёжь, у которой нет никакого уважения к стар-

шим, а стало быть, нет ни стыда, ни совести. В конце концов мы приходим к печальному выводу: всё вчера было лучше, чем сегодня, — и молодёжь, и мы сами. <...> А отсюда и окрепшее убеждение: мир действительно движется по спирали, как бы по винтовой лестнице, но не от низшей ступени к высшей, как мы думали в детстве и юности, а, наоборот, от высшей к низшей. От лучшего к худшему движется мир. Мы, ангелами рождённые, всей своей жизнью спускаемся с небес на землю и даже более того — в землю. Вот вам и последнее моё открытие, так называемый третий постулат: мир движется к своему концу.

Три постулата, три открытия, три полочки, на которых разместились для меня вся художественная литература, творения искусства, трактаты философов и богословов, да что там — весь мир всех времён и народов».

Все эти цитаты здесь крайне необходимы — для понимания плотности произведения, его многослойности и, если угодно, надмирности. Но интересен будет зарубежному читателю и исторический контекст романа: девяностые в России — это время слома эпох, время выживания в прямом смысле слова, время, побывав в котором, человек уже не мог остаться прежним. Таков путь главного героя: от полного безденежья и кромешной нищеты к попытке предпринимательства, к попытке заново обрести человеческое достоинство, растоптанное собственной страной... Но в романе абсолютно нет никакого морализаторства или дурацких советов о том, что надо было жить так-то или так-то. В романе вообще нет никаких постулатов и мёртвых конструкций. Всё повествование ведётся исключительно от сердца, при этом не сентиментально, а ярко и иронично. Правда, в иронии этой гораздо больше горечи, чем насмешки. Герой — Митя Слёзкин — растерян и подавлен и вместе с тем воодушевлён своим даром, своим высоким предназначением и поэтапным осознанием своего пути. Он не супергерой, но очень талантливый человек со своими слабостями и горестями, надеждами и разочарованиями. Именно такой герой и интересен читателю: ему веришь, ему сочувствуешь, его любишь.

Роман в целом трагичен, но весь словно светится изнутри от сердечного света постижения мира: в этом находишь вслед за главным героем и оправдание, и утешение. И потому «Зинзивер» — знаковый отечественный роман, созданный на национальной почве, способный открыть новые смыслы читателям всего мира.

Анастасия Ермакова

«Зинзивер» — знаковый отечественный роман, созданный на национальной почве.

